

РОЗАЛИН МАЙЛЗ

КТО ГОТОВИЛ ТАЙНУЮ ВЕЧЕРЮ?

ЖЕНСКАЯ
ИСТОРИЯ
МИРА

ОТ АВТОРА МИРОВОГО БЕСТСЕЛЛЕРА «ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЭДЕМ»

Религии, которые правят миром

Розалин Майлз

**Кто готовил Тайную вечерю?
Женская история мира**

«ЭКСМО»

1988

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)

Майлз Р.

Кто готовил Тайную вечерю? Женская история мира / Р. Майлз —
«Эксмо», 1988 — (Религии, которые правят миром)

ISBN 978-5-04-191559-9

Розалин Майлз, известная английская писательница, автор исторических романов и научно-публицистических работ, исследует исторические факты и события, чтобы раскрыть скрытые и забытые истории женщин, оказывавших влияние на общество и культуру. Книга «Женская история мира», в ряде стран изданная под названием «Кто готовил ужин для Тайной вечери», стала классическим текстом, переведенным на более чем 40 языков. Она вызвала большой отклик у читателей и получила высокие отзывы за то, что рассказала о важной роли женщин в истории человечества, их вкладе в самые разные сферы жизни, от лидерства и власти до работы и сексуальности.

УДК 94(100)

ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-04-191559-9

© Майлз Р., 1988

© Эксмо, 1988

Содержание

Введение	7
Зачем нужна история женщин?	9
Где мы теперь?	11
I. В начале	17
1. Первые женщины	17
Охота не означала борьбу и драку	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Розалин Майлз

Кто готовил Тайную вечерю?

Женская история мира

Rosalind Miles

Who Cooked the Last Supper: The Women's History of the World

Copyright © 1988 by Rosalind Miles

© 1988 by Rosalind Miles

© Холмогорова Н.Л., перевод на русский язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Отзывы с обложки

Одна из лучших книг об истории женщин... подробная, остроумная, гармоничная и непреклонная.

Антония Сьюзен Байетт

Мужчины главенствуют в истории, поскольку мужчины пишут историю. В ней было много героев, но мало героинь. Перед вами книга, которая опровергает «ориентацию истории на фаллос» и дает право голоса настоящей истории мира – а она, всегда и неизменно, должна говорить о вкладе миллионов женщин, которым так и не воспели хвалу. Такой истории вы никогда не учили – но должны были бы учить!

Без политики и без полемики эта блестящая и остроумная книга опрокидывает вверх дном века предрассудков и возвращает женщинам положенное им по праву место в центре культуры, революций, империй, войны и мира. А истинным украшением книги стали истории о женщинах, придавших облик нашей цивилизации, – и благодаря им «Кто готовил Тайную вечерю?» переопределит наши представления об исторической реальности.

Поскольку Майлз оглядывается на историю в гневе, наше счастье, что она обладает прекрасным чувством юмора... Ее книга написана, чтобы облегчить боль от настоящей несправедливости – от игнорирования женских ролей в истории.

Антония Фрейзер

Розалин Майлз, доктор философии – автор многих романов и эссе, лектор и участница радиопрограмм, достигшая известности у читателей и признания у критиков. Она училась в Оксфорде и университетах Лестера и Бирмингема, а в Университете Ковентри основала «Центр исследований, посвященных женщинам». Ее романы, в том числе «Гиневра: королева страны лета» и «Рыцарь священного озера», стали международными бестселлерами. Свое время она проводит в Англии и Калифорнии. Адрес ее сайта: www.rosalind.net.

Похвала книге

Величайшая история, которую еще никто не рассказывал... это история о любви, о жизни и обо всем на свете.

The Times of London

Самое потрясающее в этой потрясающей книге – то, что никто не написал ее прежде... Поразительно ясная и при этом остроумная.

Booklist

Остроумная и очаровательная... великолепный пример восстановления постыдного дисбаланса.

Newsday

У женщин есть история, и эта история чудесна. И если мы осознаем ее богатство и ее масштаб, превзойти который просто невозможно, мы восстановим свое прошлое и уверенно и вдохновенно двинемся дальше, в лучшее будущее.

Cosmopolitan

Розалин Майлз, с ее язвительной, хлесткой сатирой, освещает извечные образы нашей истории – и наблюдает за тем, как они начинают рушиться.

New Society

*Всем женщинам мира,
у которых до сих пор не было истории*

*Женщина творит историю; женщина и есть история.
Мэри Риттер Берд*

Введение

Кто готовил Тайную Вечерю? Будь это мужчина – неужто его не прославили бы во святых, и знаменитые повара не считали бы его своим небесным покровителем?

Вопросы вроде этого не давали мне покоя с первых школьных дней, когда казалось, что история – как и все остальное на свете – принадлежит мужчинам. На любой картинке из учебника для начальной школы, изображающей «начало истории», гордо шагает в будущее первобытный мужчина – один, без всяких спутниц. Мужчина-Охотник перешел к поеданию мяса и тем увеличил размер нашего мозга; Мужчина-Мастер изготовил первые наконечники для стрел; Мужчина-Художник, впервые расписав стены пещеры, изобрел искусство. Складывалось впечатление, что этот мужчина взбирался по древу эволюции в одиночку. Ни слова о том, что хоть какое-то отношение к этому имели и женщины.

Неспешно проходили века и тысячелетия, а женщины почти не появлялись на горизонте. В пестрой исторической череде войн, королей и пап женщины всплывали на поверхность лишь за отсутствием мужчин. Жанна д'Арк возглавила французов, потому что подходящих мужчин на эту роль не нашлось. Елизавета I правила Англией, потому что закончились мужчины-наследники престола. Более поздние героини – Флоренс Найтингейл или Сьюзан Браунелл Энтони – старались держаться подальше от мира мужчин; еще одно необходимое условие для женщины, чтобы войти в историю. Однако их мужественное и суровое одиночество, как и мученичество Жанны, и девственность Елизаветы, было не слишком привлекательно для моего юного ума.

И как же их мало – женщин, попавших в учебники истории! А где все остальные? Я не могла об этом не думать. И в конце концов написала «Кто готовил Тайную Вечерю?» – чтобы ответить на этот вопрос хотя бы самой себе. Исходной точкой для меня стало бескомпромиссное определение Гиббона, великого летописца Римской империи: «Что такое история? Немногим более, чем летопись преступлений, глупостей и несчастий мужчин». Искушение было непреодолимо. «Наконец-то, – смело провозгласила я, – рука, качающая колыбель, взялась за перо, чтобы исправить эту ошибку! Ведь в истории были и женщины!»

В этом утверждении, предварившем первое издание моей книги, звучало куда больше уверенности, чем ощущала я на самом деле. Я ведь понятия не имела, как будет встречен мой труд. Но, как оказалось, не я одна размышляла над отсутствием женщин в учебниках истории. Отклик на книгу превзошел все мои ожидания. После своего первого появления под названием «Мировая история женщин» (*The Women's History of the World*) моя книга выдержала еще множество изданий. Ее перевели на многие иностранные языки, а в прошлом году она впервые вышла в Китае. Разноязычные цитаты из нее украшают интернет; по ней проводятся конференции, снимаются телесериалы, а недавно даже был поставлен моноспектакль.

И на личном уровне реакция на «Мировую историю» была потрясающей. Моя книга тронула сердца и умы по всему земному шару. В Европе и в Америке женщины подходили ко мне, чтобы – иногда со слезами – за нее поблагодарить. Многие писали мне или являлись лично, чтобы сказать простые слова: «Эта книга изменила мою жизнь». Одна бабушка восьмидесяти с лишним лет написала, что купила по экземпляру книги для всех своих дочерей и внуков: «Для меня уже слишком поздно, для них – еще нет». Женщина-психотерапевт из Бельгии рассказала, как одна из ее клиенток вошла в кабинет, сжимая в руках мою книгу, раскрытую на посвящении: «Всем женщинам мира, у которых до сих пор не было истории». «Это обо мне! – воскликнула она. – Это моя история!» А вот, быть может, самый дорогой дар: молодая женщина из Юго-Западного Университета в Джорджтауне, штат Техас, прислала мне прекрасное хрустальное ожерелье и такие же серьги, принадлежавшие ее покойной матери, и с ними письмо, которое я бережно храню и по сей день. Вот что она писала: «[Читая вашу

книгу], я впервые смогла понять, какое место занимает мой личный опыт в мировой истории женщин. Отныне это стало сутью моей жизни – и никогда прежде я не ощущала, что моя жизнь так наполнена смыслом. Пожалуйста, носите эти украшения и вспоминайте обо всех в Техасе, чья жизнь преобразилась благодаря вам».

На это я хотела бы ответить: эта честь принадлежит не мне, а тем женщинам, чьи истории я вывела на свет. Первый издатель этой книги и ее истинный отец, Роджер Хафтон, назвал ее «величайшей историей, никогда не рассказанной». Правда в том, что на протяжении всех эпох существования человечества женщины играли активную и важную роль – и если мы не понимаем этого, то обрекаем себя на гибель. Жизненная сила, отвага и мощь открытых мною героинь изо дня в день вдохновляли и меня, помогая не пасть духом при изучении бесконечных летописей угнетения и преступлений против женщин. Ибо я понимала: просто чувствовать «знаменитых женщин в истории» недостаточно. Истинная история женщин должна включать в себя все, что происходило с женщинами, а через них – с мужчинами, с детьми и со всем миром.

В этом переиздании, выходящем под новым интригующим названием и в пересмотренном формате, читатели впервые увидят текст во всей его полноте. В предыдущих изданиях редакторы приглаживали язык и убирали юмор: мол, предмет книги слишком серьезен, чтобы над ним шутить. Но мне думается, говоря на столь серьезную тему, не шутить просто невозможно; да и история не будет верна жизни, если в ней не найдется места смешному. Я очень рада снова видеть текст именно таким, как его написала. Это переиздание книги в ее изначальном виде греет мне душу, доказывая, что интерес к моей теме не угас. Напротив: все больше людей по всему миру стремятся как можно больше узнать о затерянной Атлантиде женщин в истории, о забытой летописи множества жизней.

Зачем нужна история женщин?

Однако меня могут спросить: зачем вообще писать отдельную историю женщин? Ведь мужчины и женщины всегда были вместе, разделяли все радости и беды. Да, общее убеждение состоит в том, что перед тяготами истории оба пола были равны. Но подумайте вот о чем: как бы ни был угнетен средневековый крестьянин, у него всегда оставалось право бить свою жену. Черный раб весь день работал на белого господина – но не был обязан ублажать его по ночам. Та же печальная тенденция сохраняется по сей день: любые беды наносят женщинам двойной удар, любые испытания взваливают на них двойную ношу. Это хорошо видно по искалеченным войной судьбам женщин в Восточной Европе. Их мужчины сражались и умирали; но поголовные систематические изнасилования – часто сопровождавшиеся пытками и убийствами не менее жестокими, чем те, что терпели мужчины – выпадали лишь на долю женщин. Именно из таких прозрений вырастает история женщин; и само осознание этого различия возникло совсем недавно. Лишь в наше время историки начали рассматривать исторический опыт мужчин и женщин по отдельности – и осознать, что большую часть нашего прошлого интересы женщин были противоположны интересам мужчин. Противостояли интересам женщин и сами мужчины: очень неохотно они распространяли на женщин те права и свободы, на которые претендовали сами. В результате все исторические достижения выглядят «чисто мужскими». Но когда исторические исследования принимают в расчет лишь половину человечества, история отрывается от реальности. Мужчины господствуют в истории, поскольку историю пишут; и их рассказы об активных, отважных, умных или воинственных женщинах постоянно тяготеют к сентиментальности, мифологизации или к попыткам втиснуть женские образы в прокрустово ложе некоей «нормы». В результате многие так называемые исторические факты оказываются попросту лживы. Например, Жанну д'Арк сожгли не за ересь, а за то, что она носила мужскую одежду – как казнили за это и других женщин, вплоть до XVIII века. Флоренс Найтингейл прозвали не «леди со светильником», а «леди с молотком» – но военный корреспондент «Таймс» решил, что это звучит чересчур грубо. И прозвище свое она получила не потому, что ночами обходила палаты с самодельным фонарем, а за то, что, когда командир отказался выдать ей необходимые медикаменты, взяла молоток и своими руками разнесла запертую дверь склада.

История женщин необходима еще и потому, что слишком часто заслуги женщин откровенно отрицают в бесконечных попытках утвердить «естественное» превосходство мужчин. Кто в наше время помнит, что Круглый стол принадлежал не Артуру, а Гиневре? Кто знает о поколениях воинственных правительниц Индии и Аравии, благодаря которым эти страны обрели свой нынешний облик? И такие искажения уродуют не только далекое туманное прошлое. В наш век двух мировых войн кто слышал о женских батальонах? Кто знает, какую роль сыграли женщины в открытии квазаров и ДНК? А как насчет женской космической программы НАСА в славную эпоху высадки на Луне – программы, прикрытой внезапно, тишком, без объяснений, хотя результаты женщин были по меньшей мере не хуже, чем у мужчин?

О центральной роли женщин в истории человечества важно напоминать еще и для того, чтобы противостоять по-прежнему распространенному ощущению: мол, дискриминация женщин – это «нормально». В январе 2000 года журнал «Тайм» объявил двумя из трех «Людей столетия», прославившихся мудростью, лидерскими качествами и ценностью для человечества, Ганди и Черчилля. Из биографий обоих «великих» точно известно, что Ганди жестоко обходился с женщинами, а Черчилль всю жизнь был пламенным антифеминистом; но никто не считает, что это ставит под вопрос их величие. Поставьте на место женщин – чернокожих, а на место антифеминиста – расиста, и любой сочтет, что этим людям не место в пантеоне героев человечества! Сейчас, на заре нового тысячелетия, мы переоцениваем многие прежние

представления об истории: эта переоценка идет и на страницах журналов, и в толстых исторических томах. Но самое большее, чего по-прежнему удостоиваются женщины – снисходительного кивка. Как видно, нам еще предстоит отвоевать свое место в истории.

Кроме того, я чувствую, что история женщин поможет закрыть многие фактические пробелы и осветить скрытые движущие силы истории. Возможно, ответит она и на величайшую загадку нашего времени: почему вообще женщины заняли подчиненное положение? Иные говорят, что разделение полов обусловлено «самой природой»: мы разные – вот, мол, и весь ответ. Другие рассматривают отделение мужского от женского с точки зрения социобиологии, видя в этом первый пример разделения человечества – до племенного, до расового, до всякого другого. На протяжении столетий и мужчины, и женщины принимали как должное, что оба пола действуют «в разных сферах»: таково, мол, их предназначение – и природное, и установленное на небесах. Этот половой апартеид, юридически, религиозно, социально и культурно настаивающий на второстепенной роли женщины, узаконивал и охранял ее «неполноценность» – хоть при этом нередко славил женственность и превозносил «прекрасных дам».

Нам говорят: Мать-Природа возложила на женщин основной труд по рождению и выращиванию детей, поэтому женщинам приходится подчиняться мужчинам, чтобы получать от них обеспечение и защиту для себя и своего потомства. Но исторические данные ясно показывают: в «первобытных» обществах у женщин больше шансов на равенство, чем в более «цивилизованных». Быть может, женщину необходимо поставить в центр истории, чтобы разрешить этот центральный парадокс нашей эпохи: почему в древние времена женщины были свободнее, чем сейчас? Доисторические женщины охотились наравне с мужчинами, свободно бегали по лесам, бродили где хотели и сами выбирали партнеров себе по вкусу. Изготавливали орудия и посуду, расписывали стены пещер, выращивали растения, ткали, пели и танцевали. Без еды, добытой женщинами, племени было не выжить. И над этими женщинами не стояли мужчины, не командовали, не указывали им, что делать. А в «цивилизованных» обществах мужское господство проникло во все стороны жизни и со всех сторон осыпает нас религиозными, биологическими, «научными», психологическими и экономическими аргументами против женского равенства. Историки невольно улыбаются, глядя на популярность неодарвинизма, захватившего воображение публики на излете XX столетия. Генетикой нынче оправдывают все, от маниакальной погони за юбками до мужской агрессии; при этом прочно держится миф о том, что женщинам секс почти не нужен (если так, откуда в любом обществе столько ограничений, запретов и наказаний, призванных держать под контролем женскую сексуальность?). В сущности, наивное представление, что мужчина «природой запрограммирован» повсюду разбрасывать свое семя, а женщине, мол, не требуется ничего, кроме защитника – всего лишь новое издание старой сказки о превосходстве мужчин. Традиционные аргументы в пользу мужского господства оказываются удивительно живучи; и в наше время женщинам, якобы «биологически низшим», по-прежнему отказывают в праве человека на полное самоопределение.

Где мы теперь?

И где же мы находимся теперь, после стольких лет самой активной борьбы за права и интересы женщин, какую только знает история? Начиная с 1960-х годов женщины собирают митинги и марши, поднимаются к новым высотам осознанности и исследуют свои внутренние глубины. То личное и социальное брожение, что переживаем мы в эти десятилетия, можно сравнить лишь с продолжительной и болезненной борьбой за избирательные права. Но сейчас мы боремся уже не за какую-либо одну цель. Женщины хотят изменить мир – не меньше! И уже достигли на этом пути больших успехов. В эту поразительную эпоху, короткую и яркую, женщины добились большего, чем за предыдущие тысячелетия. За какие-то сто с небольшим лет отвоевали себе права на образование, на гражданскую эмансипацию, на доступ к «мужским» профессиям, в правительство, в армию, в Церковь. Эта социальная революция принесла женщинам экономическую силу, равные возможности, право голоса, лифчики, право на аборт, тампоны и колготки. Женщины XX века покорили Эверест, вышли в открытый космос, а свои обручальные кольца забросили на Луну. Стали военными летчицами, бизнес-магнатами, судьями верховного суда. Они правят странами и компаниями – и с многомиллионными бюджетами управляют так же ловко, как в былые времена управлялись с младенцами.

Этот взлет свершился в эпоху великих перемен для всего и вся – мужчин, женщин, мира вокруг них. Он резко отличается от достижений предыдущих веков, принадлежавших прежде всего отдельным людям – когда, например, успех первой женщины-врача почти ничем не помогал остальным представительницам ее пола. Но мы выросли в мире, где женская солидарность сильна как никогда – это и определило собой многие прославленные победы нашего времени. Покончив с самыми древними и откровенными несправедливостями в отношении женщин, теперь мы можем направить все силы на борьбу с теми несправедливыми деяниями, что еще остались. Наконец-то мы видим последовательную попытку искоренить вековую дискриминацию женщин – попытку, в которую как государственные власти, так и общественные организации вкладывают деньги, время и реальную политическую волю. И этот дивный новый мир ставит нас перед некоторыми парадоксами и поднимает любопытные вопросы. В последние сто лет женщины сделали больше гигантских шагов к независимости и полноценной жизни, чем за все предыдущие тысячелетия вместе взятые. Но что сказать в целом об эпохе, в которой две самые знаменитые женщины, Жаклин Кеннеди Онассис и принцесса Диана Уэльская, обрели славу не благодаря своим талантам, а лишь благодаря мужчинам, за которых вышли замуж? В которой Диана, самая популярная женщина в истории человечества, прославилась, воплотив фантазию о Золушке, вышедшей замуж за принца, и вызвала восхищение, демонстрируя свою «уязвимость»? Или, обращаясь к более общим понятиям: почему цветным женщинам по-прежнему так трудно достичь равенства с белыми женщинами, не говоря уж о господствующей расе белых мужчин? А что сказать о женщинах-воротилах секс-индустрии, производящих те же предметы и услуги, которые мы проклинаем, когда этим занимаются мужчины? Или о женщинах в боксе – спорте, который многие считают слишком жестоким и унижительным для гладиаторов-мужчин?

Женщина-боксер на Западе по крайней мере может выбирать. Но для большинства женщин в мире свобода выбора остается воображаемым райским садом, в котором реальны только змеи. В Китае, Индии, Африке, на Ближнем Востоке женщина вынуждена изо дня в день иметь дело с мужчинами, которые глубоко и искренне верят, что женщины – низшие существа и нуждаются в мужском контроле. Верят, потому что так им говорит их Бог. Во всех «великих» мировых религиях – иудаизме, христианстве, исламе, буддизме и конфуцианстве – неполноценность женщины является предметом веры. За тысячи лет некоторым женщинам удавалось преодолеть эту стену, и в наше время многие сообщества отвергают столь откровенно лож-

ные идеи. Однако каждый новый всплеск фундаментализма возрождает и эти древние предрассудки и стремится отнять у женщин все их завоевания.

Современные условия жизни тоже не всегда означают прогресс; порою побежденное зло возрождается в них под новыми масками. Являются новые виды угнетения – как и их предшественники, лишь симптомы фундаментального неравенства, корни которого трудно определить, а выкорчевать еще труднее. Задача истории женщин теперь, как и прежде – возвышать голос против дикостей прошлого, возрождающихся в новом облике. Здесь не получится уйти от парадокса: в то время как для многих и многих жизнь становится лучше, некоторые используют открывшиеся возможности, чтобы делать ее гораздо хуже. Невиданный материально-технический прогресс породил немыслимые извращения и садистические злоупотребления властью – и их жертвами, как всегда, становятся женщины. Приведем пример: он так ужасен, что его одного будет достаточно. В Китае и Индии желание контролировать рост населения вызвало страшные волны массовых убийств девочек, как до рождения, так и сразу после. Пятнадцать лет назад я вместе со многими другими протестовала против пункции плодного пузыря: эта процедура, позволяющая взять на анализ околоплодную жидкость, была разработана для проверки здоровья будущего ребенка, но стала широко использоваться для «выявления» и абортирования нежеланных девочек. Известно, что в 1984–1985 годах в одной только клинике в Бомбее были уничтожены шестнадцать тысяч эмбрионов женского пола. Наступает новое тысячелетие – а в мире открыто и бесстыдно процветает «патриархат сыновей», все то же вечное предпочтение мальчиков девочкам. В других восточных странах, пока женщины борются за независимость и право на образование, мужчины-судьи оправдывают так называемые «убийства чести», утверждая древнее право каждого мужчины убить забеременевшую дочь, жену-изменницу или только заподозренную в измене. В последнее время в Пакистане и некоторых арабских странах это «право» распространилось и на «обесчестившую себя» сестру, мать или мачеху. Миллионы африканских девочек по-прежнему подвергаются уродованию гениталий, а в Кувейте женщины все еще лишены права голосовать. В Саудовской Аравии женщин-нарушительниц правил ждут жестокие мучения, пытки и смерть. В Афганистане кошмарный Талибан развязал кровопролитную войну против всех женщин страны: их лишают работы, пытаются и убивают за «нарушения» якобы религиозных законов – более жестоких, чем те, что применяли нацисты к евреям во время Холокоста. Но в таких системах женщины, как и евреи в прошлом, попросту не считаются людьми. По всему незападному миру в последнее время восстанавливаются законы, основанные на убеждении двухтысячелетней давности – что свидетельство в суде одного мужчины стоит свидетельства четырех или более женщин.

И, если женщина XX века свободна стать Цзян Цин или Индирай Ганди – так же верно, что за это ее ожидает впечатляющее наказание: остаток жизни в одиночном заключении или пуля в живот. Один из уроков, который преподают нам биографии этих женщин: пора навсегда отказаться от идеи, что «феминизация политики» приведет нас в лучший мир, что женщины-лидеры будут мягче и добрее мужчин. На самом деле неограниченная власть идет рука об руку с потерей здравого смысла и самой отвратительной алчностью. Как говорится, прежде чем судить Имельду Маркос, пройдите хоть милю в одной из ее 2047 пар туфель! Жены тиранов, как модница Имельда или алчная Елена Чаушеску, супруга безжалостного румынского диктатора, даже по стандартам международной клептократии находятся где-то ниже дна. А тем временем у большинства женщин мира есть возможность приобрести кока-колу, сигареты и порнофильмы – но нет доступа к чистой воде, средствам контрацепции и лекарствам для детей.

Все это показывает: тем, кто изучает историю женщин, следует уделять больше внимания женщинам из иных миров, тем, на фоне проблем которых – насильственных и ранних браков, принуждения к деторождению, постоянного насилия, ранних смертей – наши западные несправедливости и обиды выглядят сущими пустяками. Однако чем более развивается

и глобализируется общество, тем больше ограничений встречают в нем женщины, тем более изощренными становятся механизмы мужского контроля: отрезвляющая мысль для тех из нас, кто живет в «цивилизованных» обществах Запада! Ведь даже на Западе, считающем себя лидером земного шара, женщины живут в мире, где в политике, юриспруденции, бизнесе, производстве и во власти по-прежнему господствуют мужчины. Женские права еще не воспринимаются на равных с «правами человека» – теми, что формально принадлежат всем, а на деле мужчины стараются распространить их лишь на себя. И самое важное, что мужчины по-прежнему – будь то через масс-медиа или через диктат корпораций, определяющий, что нам носить, есть, читать, во что верить и что думать – контролируют основное и важнейшее право всякого человека: право самому себя определять.

Но женщины никогда не отступали перед испытаниями. Пусть вековые социальные, юридические, политические и религиозные системы унижали нас на протяжении всей истории; пусть на каждую кровью и потом завоеванную победу приходится десять отчаянных попыток повернуть время вспять – женщины не сдаются. Мы – не низшие существа, никогда такими не были, никогда себя такими не считали. Везде, где старое угнетение, пусть и под какой-нибудь новой, неожиданной личиной, становится нестерпимо, ему отвечает новая революция; и поколение за поколением женщин заново открывает свою силу, солидарность, свою политическую историю. Это нелегко, даже в наше время. На протяжении последнего столетия в мире, охваченном мужским соперничеством и мужской жадой войн, женщинам снова и снова затыкали рот, не позволяли работать, отправляли по домам, изолировали друг от друга и от общественной деятельности. Только по этой причине женщинам не удалось создать или укрепить такую же последовательную, активную, всеми признанную и прогрессивную традицию общественного и политического действия, какие представляют собой профсоюзы или политические партии у мужчин. При каждой новой революции женщинам приходится все открывать и изобретать заново. Так было до сего дня.

Но теперь мы наконец сумели переломить ситуацию. Нынешняя эпоха для женщин – эпоха не только серьезных вызовов, но и неизмеримых возможностей. Миллионы женщин, публично осуждающих феминизм, тем не менее обеими руками хватаются за шансы, которые он открывает. Больше чем через сто лет после слов Шарлотты Перкинс Гилман: «Жена нужна в доме не более, чем муж» – женщины на Западе наконец освободились от тирании домашних обязанностей, понимаемых как «предназначение женщины», и от жизни в оковах навязанных традиционных ролей. Жизнь домохозяйки стала выбором по собственному желанию; ни одна женщина больше не обязана следовать сценарию «доброй женушки, хранящей очаг», если ей это не по душе или достигается за чужой счет. Теперь, пережив эйфорию от первой пригоршни гражданских и юридических побед, искупавшись в сиянии славы «первых женщин» (первая, пробежавшая марафон; первая женщина-пилот «Боинга-747», первая женщина-нобелевский лауреат), женщины XXI века готовы вырваться из порочного круга, в котором после каждой выигранной битвы враг перегруппировывается и наносит новый удар. Историческое чувство, обостренное повторяющимися разочарованиями, привело женщин к осознанию, что их борьба идет по кругу – и к пониманию, что те обстоятельства, в которых они добиваются для себя прав и свобод, сами подрывают столь дорогой ценой завоеванные права и свободы, ибо женщины движутся вперед во времена социальных перемен, когда привычные силовые блоки трещат и рушатся, позволяя женщинам и другим «изгоям» проникать туда, куда прежде вход им был закрыт. Продвижение женщин в общественную жизнь или в мир мужского труда всегда связано со смутными временами и нелегкими обстоятельствами; женщины на передовых рубежах сражаются и стреляют, женщины-иммигрантки открывают свой бизнес или организуют профсоюзы. Борьба за эмансипацию, развернувшаяся в эпоху после 60-х – прямое следствие серии мировых экономических кризисов, благодаря которым доля женщин в рабочей силе, например, Великобритании, дошла до 47 %; то же происходило во время двух мировых войн,

когда женщины миллионами меняли метелки для пыли на станки – и клялись никогда больше не возвращаться к «домашнему рабству».

Разумеется, потом вернулись. Домашнее рабство скоро получило более пристойное название, и в конце Второй мировой войны целое поколение «клепальщиц Розы», умелых мастеров и начинающих инженеров, было грубо вышвырнуто из квалифицированного труда и возвращено «хранить очаг». Дело в том, что, как ни важна была для женщин того времени работа, собственная машина, ясли и детские сады – эти признаки эмансипации воспринимались лишь как временный ответ на кризис, а значит, оставались недолговечны. Атмосферу неуверенности, неудовлетворенности и страха, вызванную кризисом в целом, начали связывать с тем, что женщины теперь работают – и больше не ждут мужей дома, встречая их на пороге теплой улыбкой и вкусной выпечкой. И неважно, что такой безмятежной семейной идиллии не существовало уже несколько десятилетий (а может, и вовсе никогда). В сознании общества достижения женщин соединились с тревогой от перемен – и сделались ответственны и за перемены, и за тревогу. И так мыслили не только мужчины. Сами женщины тоже переживали кризис, также испытывали и неудовлетворенность, и страх; в довершение всего этого, ощущать свою ответственность за происходящее для многих оказывалось неподъемной ценой. Так что женщины *en masse* разошлись по домам – двинулись изучать «домашнюю экономику» и «науку ведения хозяйства» и яростно драить стены своих клеток под пропаганду «идеального дома» и сладкие песенки Дорис Дэй о «руках женщины, творящих чудеса». И так – до следующей итерации, когда недовольство жизнью вновь стало нестерпимым.

Отсюда и циклический характер женской борьбы, и те долгие сроки, что требуются нам, чтобы хотя бы заговорить о своих интересах. Для множества женщин прервать молчание, заявить о себе и поныне грозит бедой или требует неподъемной цены. Я говорила, что моя «Мировая история женщин» – история миллионов и миллионов задуманных голосов; то же верно и для сего дня. Особенно больно сознавать, что многим затыкают рот, едва они начинают говорить. Назову лишь одну: Дельмира Агустини, уругвайская писательница, выпустила три сборника стихов, прогремевших во всем испаноязычном мире – а затем, в возрасте 24 лет, была убита своим мужем, с которым разошлась.

И таких историй много. Несомненно, бесчисленное множество женщин ведут безрадостную жизнь и умирают тяжелой смертью лишь потому, что родились женщинами. Но подавляющее большинство из нас – не безропотные жертвы своего рождения. И трудности нас не страшат. История полна женщин, которые среди моря бед не теряли мужества, вздымали меч и отважно сражались на стороне жизни. Прошрое нашего мира изобилует рассказами об амазонках, воинственных царицах, богинях-матерях и «великих слонихах», о женах и наложницах императоров, бравших в свои руки бразды правления, о женщинах-ученых, женщинах-психопатках, женщинах-святых и грешницах. О Феодосии, Ипатии, У Цзэтянь, Виктории Клафлин Вудхалл, Хинд аль-Хинд. А ведь есть еще миллионы и миллионы тех, кто просто вставал каждое утро, разжигал огонь, согревал воду, кормил людей и животных, заботился о посевах. Дома эти женщины имели дело с ночными горшками и грязными тряпками, с новорожденными и умирающими. Вне дома торговали на базарах и подметали ступени храмов. О большинстве из них мы никогда не слышали – и не услышим. Но само выживание человечества доказывает: каждая из этих скрытых от глаз жизней окончилась невоспетой победой.

Именно в контексте этой простой и монументальной истины свершаются личные победы и успехи всех женщин мира. И наш век доказал как нельзя более ясно: природная мощь женщины слишком велика, чтобы ее сдерживать. Некоторые женщины благодаря своему полу ощущают себя свободнее. «Будь я мужчиной, – говорила британская женщина-авиатор Эми Джонсон, – я могла бы исследовать Северный полюс или восходить на Эверест; но и сейчас мой дух возносит меня в небеса». Повсюду теперь женщины получили шанс быть свободными, как никогда ранее: ведь даже самые тоталитарные режимы не в силах больше прятаться

от мнения мира или перекрывать гражданам интернет. Истинная свобода для женщин означает не только свободу работать, путешествовать, самим себя определять, но и свободу отличаться друг от друга в каких-то важных вопросах. Прогресс на этом пути можно измерять по тому, далеко ли мы ушли от недоуменного возгласа Фрейда: «Чего же хотят женщины?» Мы взрослые – и теперь можем признать: у нас нет одной-единственной цели, нет единой программы общественных реформ, того, что удовлетворит разом желания и потребности всех женщин. Мужчины принимают, что состоят из разных групп, и их интересы порой неизбежно противостоят друг другу; так же и мы теперь знаем, что женщины не обязаны всегда друг с другом соглашаться. Мы признаем, что серьезно отличаемся друг от друга, что принадлежим к разным группам – по религии, расе, гражданству, сексуальной ориентации, социальному классу. И сейчас ведем борьбу за то, чтобы каждая женщина – гетеро- или гомосексуальная, замужняя или одинокая, мать или бездетная, богатая, бедная, высокая, маленькая, толстая или стройная – любая женщина была свободна и имела право использовать все свои человеческие возможности. А наша свобода не имеет смысла, если ее нельзя распространить на всех обитателей Земли. Сейчас мы знаем, что человечество нельзя мерять по мужской мерке – однако и женщины здесь не одни. В какой-то момент в последнее тридцатилетие XX века женщины взглянули друг на друга новым взглядом – и вздохнули при мысли о том, сколько еще предстоит сделать, понимая: все, что будет сделано ради спасения мира для женщин, придется делать и для мужчин, и для детей. Лишь понимание, что мужчины и женщины могут объединиться против всего, что тянет нас вниз, дает прочную опору для стремления к общему благу. Такова стоящая перед нами задача, и нам нельзя проиграть.

Трудно снести с лица земли бастионы открытой дискриминации, но еще труднее победить бессознательные предрассудки. По этой причине, как и по всем, изложенным выше, потребность в истории женщин за годы, прошедшие с первого издания этой книги, не стала меньше, а лишь увеличилась. В сущности, мы только начали. Нам предстоит откопать из песков времени еще сотни тысяч впечатляющих историй: от женщин-правительниц европейской «эпохи королей» до хозяйственных крестьянок, пивоварок, торговок, мудрых деревенских знахарок, что по всему миру хранили свои общины и тем обеспечивали выживание человечества. Знать об этих женщинах совершенно необходимо, чтобы вернуть женщине ее законное место в мире, в нынешнем веке и в грядущих. Сейчас, пробивая себе путь в новое тысячелетие с твердой решимостью достичь наконец своих целей, мы особенно в этом нуждаемся. Потрясающие истории о том, что совершили женщины за прошедшие пять тысяч лет, вдохновят нас строить новый и лучший мир. Но и не дадут витать в облаках: примеры их мужества станут для нас неисчерпаемым источником отваги и решимости. А прежде всего эти истории напомнят о том, на что способна женщина и какой долгий путь мы прошли. Говорят, в конце исторического одиннадцатилетнего правления Маргарет Тэтчер в Британии какой-то мальчик спросил: «А мужчина может стать премьер-министром?» Тем же вопросом могли задаваться дети во времена египетских женщин-фараонов или русской императрицы Екатерины Великой. Разница в том, что Тэтчер и другие женщины премьер-министры – уже не редкие аномалии, а избранные представительницы своего народа, и их истории не единичны, а повторяются многократно. Женщина – больше не прислужница мужчины по умолчанию. Мы здесь, чтобы в полной мере занять место рядом с мужчиной и разделить с ним тяготы жизни в этом мире.

Итак, женщины заслуживают собственной правдивой истории. В сущности, и не одной: мне хотелось бы увидеть, как женщины по всему миру пишут свои истории, истории своих праматерей и прабабушек, а мужчины-историки исследуют эту россыпь новых источников. Нам необходимы книги по истории женщин – и их никогда не станет слишком много.

Здесь перед вами история женщин, а не феминизма. Я поставила своей целью воздать должное проблемам и заботам всех женщин нашего времени – да и мужчин постольку, поскольку их действия влияют на женщин. В «Кто готовил Тайную Вечерю?» вы не найдете

традиционных для историков претензий на беспристрастность. Женщины – самое угнетенное, страдающее, несправедливо обойденное большинство в мировой истории; об этом невозможно говорить ни слишком долго, ни слишком громко. Разумеется, я уже слышу мужские голоса: «Как так? Это же нечестно! Несправедливо пренебрегать мужчинами!» – все громче звучащие с тех пор, как общество пытается проявить хоть какую-то справедливость к другой стороне. От некоторых даже можно услышать: мол, женщины победили в войне полов и теперь, опьяненные властью, сделались необузданны и свирепы, а мужчины стали их жертвами. «Мужской вопрос» поднимается нынче с энтузиазмом пресловутого «женского вопроса» в XIX столетии – по мере того, как школьные успехи демонстрируют интеллектуальное преимущество девочек над мальчиками, спортсменки пробегают дистанции во много раз быстрее, чем золотые медалисты первых Олимпийских игр, а чемпион по теннису Бобби Риггз проигрывает малютке Билли Джин Кинг. Каждый успех, каждое достижение женщин воспринимается как способ обойти и унижить мужчин. На мой взгляд, разумнее было бы поставить вопрос иначе. В последние тридцать лет женщины напрягают все силы, чтобы добиться успеха, неустанно трудятся над изменением себя и мира – а чем в это время заняты мужчины? И когда наконец сподобятся присоединиться к нам и поддержать?

Наша идея проста и так ясна, что отрицать ее невозможно. Каждая революция в мировой истории, каждое движение за равенство тормозило, дойдя до вопроса о равенстве полов. И теперь, по прошествии нескольких тысячелетий, настало время это изменить. Мы не опустим руки, пока каждая из нас не станет свободной.

*РОЗАЛИН МАЙЛЗ,
Лос-Анджелес, 2000 год*

I. В начале

Ключ к пониманию истории женщин – в том, чтобы признать, как бы неприятно это ни было, что речь идет об истории большей части человечества.

Герда Лернер

1. Первые женщины

Господствующая теория культурной эволюции человека – это по-прежнему «Мужчина-Охотник». Гипотеза, по которой прародителем человечества стал властный и агрессивный обезьяний самец с дубиной в лапах, столь широко распространена, столь общепринята в качестве научного факта, что популярной культурой воспринимается как самоочевидность.

Профессор Рут Блейер

Для мужчины без женщины нет рая ни в небесах, ни на земле. Не будь женщины, не было бы ни солнца, ни луны, ни посевов, ни огня.

Арабская пословица

История человечества начинается с женщины. Женщина, с седой древности до сего дня – носительница изначальной человеческой хромосомы; эволюционная адаптация женщины обеспечила выживание и успех нашего вида; материнский труд женщины стал хребтом человеческого общения и социальной организации. Но для многих поколений историков, археологов, антропологов и биологов единственной звездой, озаряющей рассвет человеческой истории, остается мужчина. В каждой из известных версий происхождения нашего вида по первобытной саванне гордо шествует в одиночестве мужчина: мужчина-охотник, мужчина-изготовитель каменных орудий, мужчина – господин творения. Однако в реальности будущее человечества без помпы и фанфар обеспечивала именно женщина: ее труд, ее навыки, ее биология стали ключом к нашей судьбе.

В наше время ученые признают, что «женщины составляют человечество в собственном смысле, являясь первичным и более сильным полом, в то время как мужчина в биологическом смысле вторичен»¹. В структуре клетки человека женская хромосома X – основная: ребенок женского пола просто получает в момент зачатия еще одну хромосому X, в то время как создание мужчины требует отхода от этого образца и введения новой хромосомы Y, которую некоторые считают генетическим сбоем, «сломанной, деформированной X». Женская яйцеклетка, в несколько сот раз больше, чем оплодотворяющий ее сперматозоид, несет в себе все первичные генетические сведения, которые получает ребенок. Именно женщины являются изначальным, первым полом, биологической нормой; мужчины – отклонение от этой нормы. Историк Амори де Риенкур говорит об этом так: «Женственность – отнюдь не неполноценная форма

¹ Elizabeth Gould Davis, *The First Sex* (1971), с. 34–35. Аргумент, что мужская Y-хромосома является всего лишь «испорченной X-хромосомой», имеет длинную родословную: см. Francis Swiney, *Women and Natural Law* (1912). В наше время его страстно защищают Валери Соланас в «Манифесте СКМ» (*The SCUM Manifesto*, New York, 1968) и Гулд Дэвис: «Маленькая и перекрученная Y-хромосома – это попросту генетическая ошибка... первые мужчины были уродцами, жертвами некоего повреждения генов...»

мужественности, как гласит традиция от библейской Книги Бытия и Аристотеля до Фомы Аквинского; *женственность и есть норма, основная форма жизни*»².

Так кто же наш Отец – или Мать? Если верить Найджелу Колдеру, «первыми властелинами вселенной были крохотные шарики разноцветной слизи»³: всего лишь молекулы протоплазмы или примитивные бактерии, но, как видим, уже мужского рода. Однако этому вековому биологическому предрассудку противоречит недавнее открытие: оказывается, все люди на планете произошли от одного первобытного гоминида, и этот общий предок был женщиной. Используя новейшие техники исследования ДНК, молекулярной структуры, несущей в себе информацию о нашем генетическом наследстве, ученые в университетах Беркли, Калифорнии и Оксфорда независимо друг от друга выделили один «отпечаток пальца» ДНК, общий для всего человечества. Этот «отпечаток» остается константой на протяжении тысячелетий, у всех народов и рас – и он, несомненно, женский. Это исследование прямо указывает на одну женщину, ставшую «источником генов» для всех людей земли. Она жила в Африке около 300 тысяч лет назад, а ее потомки позднее мигрировали из Африки, рассеялись по всему земному шару и дали жизнь всем, ныне живущим⁴.

Исследование женщины, которая могла бы быть нашей праmaterью Евой, пока делает лишь первые шаги, и выводы из него противоречивы. Не последняя из ее проблем для сыновей Адама в том, что она имплицитно опровергает христианский миф: «генетическая мать», несомненно, в свою очередь родилась от матери, а личности или число ее сексуальных партнеров несущественны – ведь выжила и передала свою генетическую информацию потомству именно ее клетка. Однако центральная роль женщин в эволюции нашего вида теперь неоспорима. Вся генетическая информация, необходимая новому существу, чтобы стать человеком, вносилась именно женщинами и передавалась через женщин. В этом смысле каждый и каждая из нас – дитя Евы: в собственных телах мы носим живые «ископаемые» свидетельства о первых женщинах, бродивших бок-о-бок с мужчинами по африканским равнинам.

Как видим, ничто не может быть дальше от истины, чем стереотипное представление о первой женщине как «самке охотника», какой-то расплывчатой фигуре, съжившейся в пещере у огня. Пятьсот тысяч лет назад рядом с *Homo erectus* впервые гордо выпрямилась под солнцем *Femina erecta*; и много перемен потребовалось им обоим, чтобы вместе стать *сапиенсами*. Из разных мест эпохи плейстоцена до нас дошло множество согласующихся друг с другом свидетельств, указывающих на важнейшую роль женщин во всех сторонах выживания и эволюции племени – вовсе не ограниченных, как нам привычно считать, охотой и прочими «мужскими» занятиями.

На самом деле женщина древнейших времен трудилась от рассвета до заката. Жизнь ее была недлинной – согласно научному анализу ископаемых останков, женщины-гоминиды, как и их мужчины, в большинстве своем умирали, не дожив до двадцати. Лишь горстке удавалось дотянуть до тридцати, а сорокалетний человек был большой редкостью⁵. Но и за это короткое время древние женщины успевали многому научиться и очень многое сделать. Археологические свидетельства, как и культуры уровня каменного века, сохранившиеся до наших дней, так обрисовывают нам обычные занятия женщины:

- Собираательство.
- Забота о детях.
- Выделывание кожи.

² Amaury de Riencourt, *Women and Power in History* (1974, первое издание на английском языке в 1983), с. 52.

³ Nigel Calder, *Timescale* (1984), с. 1.

⁴ Об открытии «генетической праматери человечества» можно прочесть в источниках: Listener, 27 February 1986; Guardian, 3 March 1986.

⁵ О небольшой продолжительности жизни первобытного человека см.: Marian Lowe and Ruth Hubbard (eds.), *Woman's Nature: Rationalisations of Inequality* (New York and Oxford, 1983), с. 131.

- Изготовление одежды, слингов и мешков из шкур животных.
- Приготовление пищи.
- Гончарное дело.
- Собираание травы, ветвей и коры для плетения корзин.
- Изготовление бусин и украшений из зубов и костей.
- Строительство убежищ, временных или постоянных.
- Изготовление орудий для самых разных целей, не только сельскохозяйственных: каменные скребки для шкур, острые каменные ножи для вырезания звериных сухожилий, предназначенных для изготовления одежды.

- Сбор целебных растений и их применение в широких медицинских целях, от лечения болезней до аборта.

Среди обязанностей женщины на первом месте стояло, разумеется, собирательство пищи: без этой работы племя бы не выжило. *В доисторический период не было такого момента, когда женщины, будь то с детьми или без детей, полностью полагались бы в добычании еды на охотников-мужчин.* Разумеется, мужчины охотились, как и сейчас охотятся во многих «первобытных» обществах. В наше время антропологи наблюдают в Океании, Азии, Африке и Америке около 175 охотничьих/собирательских культур. В 97 % из них охотой занимаются исключительно мужчины, да и в оставшихся 3 % она является преимущественно мужским делом. Но эти широкие и хорошо задокументированные исследования показывают также, насколько неэффективна охота как способ добывания пищи. Мясо убитых животных поступает нечасто и нерегулярно – так, например, бушмены из племени кунг в Ботсване напрягают все силы на охоте в течение недели, а потом остаток месяца отдыхают – а хранить его, особенно в жарком климате, невозможно. В результате повседневную жизнь племени обеспечивает не охота мужчин, а собирательство женщин. Неустанно работая с утра до вечера, женщины поставляют племени до 80 % от общего объема пищи. Одна из интерпретаций этих цифр говорит, что мужчины-члены племени выполняют лишь одну пятую работы, необходимой для выживания группы, а остальные четыре пятых ложатся на плечи женщин⁶.

В древнейшие времена собирательство, которым занимались женщины, не только обеспечивало выживание племени – оно помогло человечеству сделать первые робкие шаги к цивилизации. Дело в том, что успешное собирательство требует развитых навыков различения, оценки и запоминания; а разнообразие семян, трав и ореховых скорлупок, найденных на стоянках первобытного человека в Африке, указывает, что собирательницы не хватали первое, что подвернется, а умело и компетентно выбирали самое питательное⁷. Кроме того, эта работа дала толчок первым технологическим экспериментам человечества. Из-за сосредоточивания на Мужчине-Охотнике антропологи склонны видеть во всех первобытных орудиях оружие⁸.

⁶ George P. Murdock, *Our Primitive Contemporaries* (New York, 1934); *Social Structure* (New York, 1949); “World Ethnographic Sample,” *American Anthropologist* (1957); “Ethnographic Atlas: A Summary,” *Ethnology* 6, No. 2, 109–236. Работу Мердока обсуждает Jo Freeman (éd.), *Women: A Feminist Perspective* (Palo Alto, California, 1979), с. 94. См. также статью Ричарда Лива: Man the Hunter, eds. R. B. Lee and Irven De Vore (1968). Лив показал, что даже неудача на охоте не побуждает бушменов из племени кунг охотиться дольше одной недели из трех-четырех: они верят, что результат охоты определяет магия, и никакие их усилия не могут отвратить злосчастье. Поэтому, потерпев неудачу на охоте, они ждут месяц или дольше – и в это время в основном ходят друг к другу в гости, развлекаются, танцуют, в то время как жизнь племени поддерживает только собирательство женщин.

⁷ О женских навыках собирательства можно почитать в кн.: Elaine Morgan, *The Descent of Woman* (1972), с. 184; см. также: Calder, с. 156, описание ботанических и экологических знаний, о которых мы можем судить по самому знаменитому доисторическому погребению так называемого «Цветочного человека из Шанидара». Этого неизвестного мезолита погребли около 60 тысяч лет назад на ложе из цветов крестовника, алтея лекарственного и других: все они известны своими лечебными свойствами и по сей день используются в женской народной медицине. Разумеется, собирателями цветов могли быть и мужчины. Но если доисторический Шанидар и мог похвастаться мужчиной, умеющим отличить алтей от мальвы, то надо признать: большинству своих потомков мужского пола этот древний знахарь свои знания не передал.

⁸ Об изготовлении орудий см.: Kenneth Oakley, *Man the Tool-Maker* (1947); R. Leakey and R. Lewin, *Origins* (New York, 1977); G. Isaac and R. Leakey, *Human Ancestors* (1979); B. M. Fagan, *People of the Earth: An Introduction to World Pre-History* (1980).

Но охота как таковая появилась гораздо позже, так что первые кости, камни или палки, которые начал использовать человек, предназначались для помощи в собирательстве – чтобы выкапывать корни, сбивать плоды с веток, размалывать в муку волокнистые растения. Все это были орудия женского труда; а открытие на первобытных стоянках палок-копалок с заостренными и обожженными концами доказывает изобретательность этих древнейших тружениц – они поняли, что заостренную палку можно обжечь на слабом огне, чтобы она стала суше, тверже и лучше служила для их целей⁹.

Однако, в отличие от кремневых топоров, наконечников копий и стрел, очень немногие из этих первых орудий дошли до нас, чтобы поведать об изобретательности женщин. Кроме того, палкам-копалкам в глазах археологов недостает мрачного величия, каким обладают орудия убийства, да и в историю Мужчины-Охотника их не впишешь. Молчит археология и о другом женском изобретении – мешке древней собирательницы, куда она складывала и несла в лагерь все, что сумела отыскать, сорвать, поймать, выкопать за свой трудовой день¹⁰.

Необходимый объем еды и разнообразие доступных источников пищи были таковы, что для собирательниц было просто немыслимо нести все собранное в руках, в подоле или за пазухой. Их «добыча» включала в себя не только травы, листья, ягоды и корни, но и жизненно важный белок в форме ящериц, муравьев, улиток, слизней, лягушек и личинок. Яйца и рыба были довольно редкими, но известными лакомствами; а на берегу моря неисчерпаемый и питательный источник представляли собой прибрежные моллюски. Что бы ни попало на дороге, мертвая саранча или разлагающаяся змея – собирательница не могла себе позволить ею пренебречь; не могла и двинуться к дому, пока не наполнит свой мешок – ведь на ее плечах лежало бремя поддержания жизни всего племени. А к вечеру, вернувшись домой, она бралась за новую задачу: превратить всю эту сырую жуть во что-то, хоть отдаленно напоминающее съедобную пищу.

Труд женщин-собирательниц неизбежно становился и еще более напряженным, и еще более необходимым, когда приходилось кормить не только себя, но и младенца. Первая задача матери состояла в том, чтобы превратить свой мешок в слинг для переноски ребенка – ведь, отправляясь на ежедневную «охоту», ей предстояло брать дитя с собой. В те древнейшие времена большинство женщин не доживали и до двадцати, так что не существовало ресурса «бабушек», готовых присматривать за следующим поколением детей. Маленькие гоминиды были тяжелыми – и становились все тяжелее по мере того, как развивался их мозг, а с ним увеличивалась черепная коробка. Тела матерей тоже эволюционировали: на них оставалось все меньше шерсти, за которую мог цепляться младенец. Детей приходилось привязывать поперек груди или носить за спиной, как поступают и сейчас матери в индейских племенах в Новом Свете. Как выглядели древнейшие слинги? Увы, об этом археология нам не расскажет.

Выращивание детей включало в себя и другие задачи, столь же важные и для первобытных женщин, и для будущего цивилизации в целом. Два фактора сделали эту работу для человеческой женщины куда более сложной, чем для ее прабабки-обезьяны. Во-первых, человеческий ребенок растет и остается несамостоятельным куда дольше обезьяньего детеныша – и все это время о нем нужно заботиться: его не выйдет просто ссадить с груди и указать ему на ближайший банан. А во-вторых, чтобы вырастить человека, требуется не только физиче-

⁹ Elise Boulding, *The Underside of History* (Colorado, 1976), с. 78, обсуждает технику обжигания на огне, созданную женщинами, и предполагает, что именно женщины изобрели охоту, снабдив племя орудиями, позволяющими пронзять тела животных.

¹⁰ См. Sally Slocum, "Woman the Gatherer: Male Bias in Anthropology." Эту важнейшую статью можно найти в кн.: Rayna Reiter (éd.), *Towards an Anthropology of Women* (New York, 1975), Mary Evans (éd.), *The Woman Question: Readings in the Subordination of Women* (1982). Важность появления мешка обсуждается также в кн.: Sheila Lewenhak, *Women and Work* (1980), с. 20–21.

ская забота. Человеческого детеныша необходимо ввести в систему общественного взаимодействия и интеллектуальной работы, куда более сложной, чем у любого другого животного; и в подавляющем большинстве человеческих обществ за это первичное научение и социализацию младенца несет ответственность в первую очередь мать. Судя по тому, какого успеха достигли в истории их потомки – первые матери человечества отлично с этим справились!

Первостепенное место материнского труда в истории эволюции человечества еще ждет своего признания. Из-за всеобщей завороченности образом Мужчины-Охотника повсеместно принимается как должное, что коллективная охота мужчин требовала больше навыков коммуникации и социальной организации, а следовательно, именно она повлекла за собой развитие и усложнение мозга и даже положила начало человеческому обществу. На это решительно возражает Салли Слокум:

Необходимость организовать питание детей после отъема от груди, обучение все более сложным социально-эмоциональным связям, новые навыки и культурные изобретения, связанные с более экстенсивным собирательством – все это требовало большего размера мозга. *Мы уделяем слишком много внимания навыкам, необходимым для охоты, и слишком мало – тем, что требуются для собирательства и выращивания малолетних детей [курсив мой]*¹¹.

Именно женщины изобрели систему «общего котла» и дележки еды на всех детей – и это стало не менее важным шагом к групповому сотрудничеству и социальной организации, чем труд Мужчины-Охотника/Вождя, возглавляющего свою стаю. Кроме того, труд женщины – матери младенца, которому нужно много времени и пространства для взросления, включает в себя и другие многочисленные стороны материнской заботы (укрывать от холода и дождя, утешать, развлекать), игру, социальное взаимодействие с другими матерями и другими детьми. Современная психология убедительно показывает, что вся эта деятельность повышает то, что называется «коэффициентом интеллекта» – и, по всей видимости, именно она сыграла критическую роль в нашем интеллектуальном и психическом «отрыве» от человекообразных обезьян. Разумеется, баюкать ребенка, стимулировать его и играть с ним могут не только матери. Но все эти виды деятельности очень далеко отстоят от стереотипного образа свирепого первобытного охотника-мужчины¹².

Значение связи между матерью и ребенком на этом не заканчивается. В мифе о Мужчине-Охотнике он изобретает и семью. Оплодотворив самку и загнав ее в пещеру поддерживать огонь, Охотник создает базовую ячейку общества, а затем обеспечивает ее, принося добычу. Американский журналист Роберт Ардри, главный популяризатор «гипотезы охотника», так наивно изображает половое разделение труда в обычной первобытной семье: «Мужчины отправляются на охоту, а женщины остаются на стоянке – по-нашему, одни идут на работу, другие сидят дома»¹³. Однако масса свидетельств опровергает этот сценарий «большого папочки», показывая, что древнейшие семьи состояли из женщин и их детей, поскольку все племенные охотничьи сообщества сосредоточивались и организовывались вокруг матери. Молодые мужчины уходили сами или их выгоняли, а молодые женщины оставались с матерями на изначальной стоянке и приводили туда своих мужчин. В этой женско-центрированной семье мужчины были чем-то случайным и периферийным: и ядро семьи, и основные связи

¹¹ Там же.

¹² Однако история Мужчины-Охотника до сих пор излагается как неоспоримая истина везде, как в научных, так и в популярных книгах для взрослых и детей. См. Lee and De Vore (above); S. Washburn and C. S. Lancaster, "The Evolution of Hunting," in Lee and De Vore (eds.), *Kalahari Hunter-Gatherers* (Harvard, 1976); Sol Tax (éd.), *Evolution After Darwin*, Vol. II: *The Evolution of Man* (Chicago, 1960); Josef Wolf and Zdenek Burian, *The Dawn of Man* (London and Prague, 1978); Robert Ardrey, *African Genesis* (1961), *The Hunting Hypothesis* (1976) – и многие-многие другие.

¹³ Ardrey (1976), с. 91–92.

в ней оставались женскими. Те же условия сохраняются и во множестве современных племен, так называемых «живых ископаемых», оставшихся на уровне каменного века. Как подчеркивает антрополог Уильям Айзек Томас: «Итак, дети принадлежали женщине и оставались членами ее группы. Ячейкой социальной организации всегда была женщина, ее дети и дети ее детей»¹⁴.

В сущности, чем больше биологических свидетельств мы изучаем, тем лучше узнаем, чем обязано человечество первым женщинам. Например, именно благодаря ним большинство из нас – правши. Как объясняет Найджел Колдер: «Более умелое владение одной рукой – у современного человека, как правило, правой – женский феномен»¹⁵. С незапамятных времен женщины приобрели привычку носить младенца на левом боку, там, где его успокаивало бие-ние сердца матери. Это освобождало правую руку для работы – и, по всей видимости, подтолкнуло эволюцию человека в направлении доминирующей праворукости. В поддержку «женской природы праворукости» Колдер указывает на тот факт, что вплоть до наших дней маленькие девочки осваивают преимущественное владение одной рукой, как и речь, быстрее и увереннее мальчиков.

И наконец, еще одно биологическое наследие, полученное мужчиной от женщины – и заслуживающее большей благодарности, чем получает сейчас. Мужской половой орган у приматов не слишком впечатляет. Средний Кинг-Конг не напугает женщину размерами своего мужского достоинства, а скорее вызовет сочувствие: на фоне этой горы мускулов его скромный пенис будет смотреться жалко. Однако самец человека обладает в этом плане непропорционально крупными размерами, позволяющими ему с гордостью считать себя властелином творения – по крайней мере в области ниже пояса. И этим он обязан женщине. Объясним попросту: когда *femina* сделалась *erecta*, когда поднялась на задние лапы и зашагала на двоих, угол ее вагины сместился вперед и вниз, а сама вагина сдвинулась глубже в тело. Соответственно этим изменениям развился и мужской пенис, по тому же эволюционному принципу, что и шея жирафа: вырос, чтобы достичь того, до чего иначе добраться не получалось¹⁶. Той же необходимостью обусловлен уникальный человеческий эксперимент: секс лицом к лицу. Будущее вида требовало, чтобы мужчина все-таки как-то входил в женщину. Однако та легкость, с которой большинство пар во время сексуального контакта переходят от фронтальной позиции к позе «сзади» и наоборот, постоянно напоминает нам о вкладе женщины в эволюционную биологию.

В сущности именно биология женщины включает в себе ключ к истории человечества. Триумф эволюции состоялся в женском теле, воплотившись в одном ключевом адаптационном приспособлении, обеспечившем будущее нашего вида. Это был биологический переход от течки приматов к человеческой менструации. Об этом редко говорят, обычно не упоминают вовсе, однако именно ежемесячная женская менструация сохранила род человеческий от вымирания, обеспечила ему выживание и успех.

Дело в том, что течка самок у высших приматов – механизм крайне неэффективный. Самки крупных обезьян, шимпанзе, горилл и орангутанов, входят в течку редко и рожают по одному детенышу раз в пять-шесть лет. В результате весь вид оказывается под угрозой вымирания; в наше время крупных человекообразных обезьян мало, и сохранились они лишь в самых благоприятных условиях. Но самка человека может зачать не раз в пять-шесть лет, а двенадцать раз в году: выходит, ее репродуктивные возможности *в шестьдесят раз выше, чем у ее сестер-приматов*. Не охота, а именно менструация стала грандиозным эволюцион-

¹⁴ W. I. Thomas, *Sex and Society: Studies in the Psychology of Sex* (1907), с. 228.

¹⁵ Calder, с. 142–143.

¹⁶ Morgan, с. 58–63. Необычно длинный пенис человеческого самца подробно рассматривает также Десмонд Моррис в «Голой обезьяне» (Desmond Morris, *The Naked Ape* (1967), с. 65, 75).

ным скачком. Благодаря женской, а не мужской адаптации человек выжил, распространился и покорил землю.

А ведь женская менструация – не просто телесный феномен, такой же, как прием пищи или дефекация. Современные комментаторы указывают, что это так называемое «женское проклятие» помогло не только увеличить потомство первых людей, но и рассеять тьму первобытного разума. В своем прорывном труде о менструации «Рана мудрости» (The Wise Wound) Пенелопа Шаттл и Питер Редгроув подчеркивают связь между лунным и менструальным циклами, существующую в первобытных обществах, и предполагают, что именно эта особенность женской физиологии пробудила в человечестве способность понимать абстракции, строить связи и мыслить символами. По мнению Элизы Боулдинг, эти ментальные функции родились на той стадии развития древнего общества, когда женщины научили мужчин пониманию чисел, счету и календарю: «У каждой женщины есть «календарь тела» – ежемесячный менструальный цикл. Несомненно, она первой заметила связь между лунным циклом и циклом собственного тела»¹⁷. Другие женщины-ученые посмеиваются над наивностью известного профессора Джейкоба Броновски, в документальном телесериале «Возвышение человечества» пресерьезно описавшего доисторическую оленью кость с тридцатью одной зарубкой как «пример первобытного календаря, отражающего лунный месяц». В своей заметке «Появление самизнаете-кого» Вонда Макинтайр пишет: «Да неужели? Лунный месяц длиной в тридцать один день? По-моему, куда более вероятно, что на этой кости зафиксирован женский менструальный цикл»¹⁸.

Объективно говоря, это молчаливое свидетельство невосполнимо утраченного прошлого может фиксировать и лунный цикл, и менструальный, и тот и другой, и вообще что-нибудь третье. Однако характерно это привычное, бессознательное отрицание женских действий, женского опыта, женских ритмов, даже женской способности *считать*, из-за которого даже не рассматривается версия, что оленья кость принадлежала женщине и отражала события ее личной жизни.

Никакого внимания не уделяется и последствиям того, что легкая и нерегулярная течка сменилась у женщин полноценной менструацией, с кровотечениями в различном, но всегда значительном объеме, занимающими одну неделю из четырех. Как справлялись с этим первобытные женщины? Просто присаживались на груды листьев и ждали, пока пройдет? Уж очень похоже на пассивную «хранительницу очага» из мифа о Мужчине-Охотнике – и вряд ли стоит ожидать, что собирательницы пищи, от которых зависело выживание племени, могли 25 процентов своего времени просиживать без дела. Но если во время менструации женщины двигались, поток крови должен был раздражать кожу на внутренней поверхности бедер и заставлять ее болезненно трескаться, особенно в холодную и ветреную погоду, а в жарком климате к этому добавлялась опасность инфекции. Причем такие повреждения едва ли успевали бы зажить до следующей менструации.

Женщины должны были искать решение; и нетрудно предположить, какое. Известно, что в дикой природе самки обезьян во время течки подтираются охлупками листьев. В современных культурах, находящихся на уровне каменного века, женщины шьют или вяжут одежду, слинги для детей, сумки или мешки для того, что им удастся собрать. Скорее всего, первые женщины изобрели себе менструальные слинги или пояса с какими-то подушечками, впитывающими кровь. И в наши дни как маори, так и эскимоски пользуются «прокладками» из мягкого мха, а индонезийки изготавливают своего рода «тампоны» из растительных волокон. Женщины племени азимба в Центральной Африке делают из растительных волокон «прокладки»

¹⁷ Boulding, с. 83.

¹⁸ Этот аргумент Вонды Макинтайр можно найти также в кн.: Joanna Russ, *How to Suppress Women's Writing* (Texas, 1983), с. 51–52.

и удерживают их на месте при помощи овального слинга из мягкой козьей шкуры, прикрепленной к ремennому поясу¹⁹. Сложно не прийти к выводу, что женщины, сумевшие благополучно вынaczyć и вырастить человечество, способны были эффективно решать и проблемы с собственным телом.

Несомненно одно: подобные предметы, как и другие свидетельства технологий первобытных женщин, не могли дойти до наших дней. Да если бы и дошли, кто бы счел их достойными внимания? На всех уровнях, от научных исследований до художественных фантазий, общий интерес вызывают все стороны жизни первобытного мужчины. Но ни в научных, ни в популярных сочинениях мы не встретим ни малейшего внимания к тому, что антрополог Дональд Джохансон, первооткрыватель первобытной женщины-гоминиды «Люси», презрительно отметал как «аргумент от течи» – хотя бы упоминания о важности биологического перехода женщин к менструации. Как писал Джохансон: «Я не верю в то, чего не могу увидеть и потрогать – а ископаемой течи я никогда не встречал»²⁰. И в самом деле, как ее потрогаешь?

Целые поколения комментаторов-мужчин, как и Джохансон, сознательно закрывают глаза и на сами факты эволюции первобытной женщины, и на их важные последствия. Вместо этого они настаивают на изображении первобытных женщин как сексуальных игрушек для мужчин. «Их откармливали для брака, этих скво каменного века, – писал Герберт Джордж Уэллс. – Женщины были рабынями старшего из мужчин, он распоряжался ими и их защищал». Какова эротическая фантазия!²¹ Для Роберта Ардри появление менструации – всего лишь удача для мужчин. Когда самка примата входила в течку, рассказывает, истекая слюнками, Ардри – она «ловила сексуальный джекпот... устраивала развлечение для всех, и сама получала максимум мужского внимания»²². Но течи случались нечасто и продолжались недолго; чтобы привлечь охотника домой с холмов, требовалось что-то посерьезнее. Так что первобытная женщина научилась обращать течку в менструацию. Это сделало ее сексуально доступной и готовой к мужским ласкам круглый год; теперь она в любой момент могла отдаваться своему повелителю и получать за это долю добычи – первый исторический пример освященного временем *quid pro quo*.

Теория ранней сексуальной эволюции женщины как «развлечения для всех» звучит и в объяснении физических особенностей тела современной женщины. Мужчина-Охотник, встав на две ноги, разумеется, возжелал секса во фронтальной позиции. Как игриво объясняет нам Десмонд «Голая Обезьяна» Моррис, женщина повиновалась его желанию «сделать секс сексуальнее», отставив груди. Когда обнаружилось, что «пара мясистых полукруглых ягодич» уже не привлекает мужчин так, как прежде, женщине пришлось «сделать более стимулирующим вид спереди»²³. А то, что размеры женской груди увеличились вместе с размерами новорожденного младенца – разумеется, простое совпадение.

Из такого андроцентричного взгляда на эволюцию женщины выходит, что все изменения ее тела совершались ради блага мужчины, а не ее собственного. Ради мужчины развился женский оргазм – достойная награда усталому добытчику в конце дня. «Тогда на помощь мужчине приходила женская изобретательность, – снисходительно хвалит женщин Ардри. – Мужчина мог вернуться усталым, но желание женщины придавало ему сил»²⁴. Так в последнем своем эволюционном воплощении Мужчина-Охотник становится секс-гигантом – а женщина, этакая

¹⁹ Elaine Morgan, с. 116, описывает гигиенические процедуры у самок обезьян; Sheila Lewenhak (с. 20, 23–24) пишет об изготовлении слингов в каменном веке; Paula Weideger, *History's Mistress* (1985), с. 133–134 – пишет об экспериментах с тампонами.

²⁰ Donald C. Johanson, Maitland A. Edey, *Lucy: The Beginnings of Humankind* (London and New York, 1981), с. 340.

²¹ H. G. Wells, *The Outline of History* (1920), с. 94, 118.

²² Ardrey (1976), с. 83.

²³ Morris, с. 65, 75.

²⁴ Ardrey (1976), с. 100.

плейстоценовая Девушка «Плейбоя», жаркая, страстная, готовая к ласкам 365 дней в году, ждет его в пещере, чтобы продемонстрировать полный набор забавных игр со своими новыми приобретениями, грудями и клитором.

В свете всех известных нам свидетельств, всего богатства научных источников, указывающих на центральную роль женщины, чем объяснить господство и стойкость мифа о Мужчине-Охотнике? В представлениях Чарлза Дарвина о возникновении человечества такого персонажа нет: у него первобытный человек – общественное животное, он трудится в «общем теле» своего племени и без племени не выживет. Но более поздние дарвинисты, такие как Томас Гексли и Герберт Спенсер («величайший сукин сын во всем христианском мире», по Карлайлу), переосмыслили эволюционную битву за выживание как соперничество не между *генами*, а между *индивидуумами*. К 1925 году ученые уже воспринимали это как факт: профессор Карвет Рид из Лондонского университета открыто предлагал переименовать первобытного человека в *ликопитека* [волко-человека] за его якобы хищную волчью алчность – предложение, с энтузиазмом поддержанное его коллегой из Южной Африки, еще одним несостоявшимся беллетристом, Раймондом Дартом:

Предшественники человека отличались от ныне живущих человекообразных обезьян тем, что были мясоедами и убежденными убийцами: они набрасывались на живую добычу, забивали до смерти, расчленяли, разрывали на куски, утоляли свою хищную жажду горячей кровью жертв и жадно пожирали их теплую, еще трепещущую плоть²⁵.

Как видим, здесь образ Мужчины-Охотника раскрыт так, чтобы подпитывать и раздувать мужские фантазии о насилии и разрушении. «Мы – дети Каина, – торжественно провозглашает Ардри. – Мужчина – хищник, убийство с помощью оружия – его естественный инстинкт». За ним это повторяют множество крутых парней, от Конрада Лоренца до Энтони Сторра: «Простая истина в том, что мы [*кто эти «мы»??*] – самый жестокий и безжалостный вид, когда-либо ходивший по земле»²⁶. Естественная агрессия мужчины находит себе естественный выход в подчинении всех вокруг: «Женщины, мальчики и девочки, – писал Герберт Уэллс, – жили в страхе перед старшим мужчиной». Для Ардри «доминирование, революционная социальная необходимость даже в беззаботной лесной жизни, сделалось для охотников повседневным условием выживания»²⁷. Так «охотничье прошлое» мужчины позволяет оправдывать любые акты мужской агрессии, от нечестности в бизнесе до изнасилования или избивания жены, а «право на власть», якобы присущее «первобытному вожаку», очень удобно распространяется на цивилизованную жизнь.

В сущности, почти нет таких сторон современной жизни, таких лестных заблуждений о «естественном» инстинкте мужчины подчинять и разрушать, которые не искали бы себе происхождения и объяснения в мифе о Мужчине-Охотнике. Поколения самых авторитетных ученых воспевают хвалы ему и его товарищам: «Наш разум, интересы, эмоции, общественная жизнь, – сладко поют американские профессора Уошберн и Ланкастер, – всем этим мы обязаны охотникам былых времен». Стоит ли говорить, что это совершенно безосновательно: Дональд Джохансон называет «охотничью гипотезу» продуктом «живого воображения» Ардри и «позором антропологов». В профессиональных кругах вся эта концепция теперь изгнана в пустыню

²⁵ Charles Darwin, *On the Origin of Species by Means of Natural Selection* (1859), *The Descent of Man* (1871); Thomas Huxley, *Ethics and Evolution* (1893); Herbert Spencer, *Principles of Biology* (1864–1867); Carveth Read, *Origins of Man* (1925); Raymond Dart, «The Predatory Transition from Ape to Man,» *International Anthropological and Linguistic Review* V.i., n. 4 (1953).

²⁶ Robert Ardrey (1961), c. 316; Konrad Lorenz, *On Aggression* (1966); Anthony Storr, *Human Aggression* (1968) c. i.

²⁷ Wells, c. 77–78; Ardrey (1978), c. 91.

между посмеянием и забвением, и психолог доктор Джон Николсон – не единственный специалист, признающийся теперь: ему, мол, «стыдно, что когда-то и он был ею увлечен»²⁸.

Однако Мужчину-Охотника, раз уж он овладел коллективным воображением и рыщет теперь по его полям и лесам, чрезвычайно сложно оттуда изгнать. Немногие замечают даже самое очевидное: почему на протяжении тысячелетий он бежит по лесу в полном одиночестве? Где в его истории женщина? О ее развитии – если не считать эволюции сексуального аппарата – не говорится ни слова. «В ходе эволюции, – заявляет ведущий французский авторитет, – мужчина увеличивал размеры тела, мышечную силу и скорость, развивался его разум, знания и воображение, однако женщина едва ли разделяла с ним все эти достижения»²⁹. То же, каждый по-своему, твердит и бесчисленное множество историков, археологов, антропологов, биологов по всему миру. Такое впечатление, что мужчина в одиночку эволюционировал за всех нас! А что же первобытная женщина? А она, ленивая и зависимая, этакая первобытная «душечка», слонялась вокруг пещеры, ожидая, когда господин и повелитель вернется с охоты – и эволюционировать ей не требовалось.

Однако, прославляя достижения первобытной женщины и разоблачая льстивые выдумки мифа о мужчине-охотнике, важно не удариться в другую крайность – не начать отрицать реальную деятельность мужчин так же, как историки прошлых лет отрицали деятельность женщин. Вклад мужчины в выживание нашего вида становится более нормальным, естественным и даже, парадоксальным образом, более заслуживающим восхищения, как только мы признаем, что первобытные люди не могли выжить друг без друга и действовали в тесном сотрудничестве.

Охота была не одиночным героическим приключением, а групповой деятельностью

Как объясняет Майра Шекли: «Успешная охота, особенно на крупных животных, бродящих стадами – оленей, лошадей, мамонтов, бизонов и шерстистых носорогов – требовала объединяться в стаи»³⁰. И до наших дней в охотничьих сообществах, когда нужно загнать или убить добычу, ради этой цели объединяются все, включая женщин и детей. Да, и женщины прекрасно охотятся на более мелких, неторопливых или безопасных животных. Так, в XVIII веке один торговец из «Компании Гудзонова залива» в Канаде обнаружил эскимоску, которая в течение семи месяцев выживала с помощью охоты там, где «на тысячу миль вокруг не было ничего, кроме ледяной пустыни»³¹.

Охота не означала борьбу и драку

Напротив, вся цель групповой организации состояла в том, чтобы первобытному человеку *не приходилось* встречаться со своей добычей лицом к лицу и с ней сражаться. Первые люди, как показывает Шекли, вместе трудились над тем, чтобы этого избежать: «Животных гнали к обрыву и заставляли бросаться навстречу гибели (именно это, несомненно, произошло на месте верхнепалеолитической стоянки в Солютре), или при помощи огня загоняли в болото (этот метод использовался в Торральбе и Амбрене)»³². Кроманьонская пещерная живопись

²⁸ Washburn and Lancaster, c. 303; Johanson, c. 65; John Nicholson, *Men and Women: How Different Are They?* (Oxford, 1984), c. 5.

²⁹ De Riencourt, c. 6.

³⁰ Myra Shackley, *Neanderthal Man* (1980), c. 68.

³¹ Peter Farb, *Man's Rise to Civilization as Shown by the Indians of North America from Primeval Times to the Coming of the Industrial State* (1968), c. 36–37.

³² Shackley, c. 68.

из Дордони во Франции выразительно изображает мамонта, упавшего в яму и напоровшегося на острые колья: такие ловушки известны по всему миру. Такой метод охоты даже не включал в себя убийство – достаточно было дожидаться, пока животное умрет само. Вообще большинство способов охоты не предполагает прямую агрессию, нападение, смертельную схватку со зверем: гораздо чаще добычей охотников становятся медленные и безобидные животные вроде черепах, больные и раненые, рожающие самки или же туши, убитые и брошенные другими, более свирепыми хищниками.

До, во время и после охоты мужчины и женщины полагались на умения друг друга

Антрополог Констебл описывает первобытное племя юкагиров в Сибири, у которых при проверке ловушек мужчины шли впереди, а женщины, следуя за ними, брали на себя разделку туш и доставку их на стоянку³³. Поскольку туши животных использовались для еды, изготовления одежды, укрытий, орудий из костей, украшений – словом, для самых разных ремесел, большинством из которых занимались женщины – неудивительно, что разделка туш была их обязанностью. Как напоминает нам Майра Шекли:

Помимо еды на животных охотились ради их шкур, костей и сухожилий, необходимых для изготовления одежды, палаток, ловушек и множества разных бытовых предметов. Подходящие шкуры высушивали, а затем размягчали животным жиром. Одежду кроили каменными орудиями, а затем сшивали сухожилиями, продетыми сквозь дырки, проделанные каменным орудием или костяным шилом... Нет причин полагать, что одежда неандертальцев была так примитивна, как любят изображать на картинках... Остатки скорлупы от страусовых яиц на мустьерских стоянках в пустыне Нигер заставляют предположить, что неандертальцы хранили в них воду, как и нынешние бушмены... А как использовались перья экзотических птиц? Археологических свидетельств о таких украшениях не сохранилось, так что неудивительно, что им совсем не уделяется внимания³⁴.

Как видим, мужчина-охотник не был бесстрашным одиноким агрессором, героем тысячи смертельных схваток. Единственным регулярным и неизбежным занятием, в котором находилось место мужской агрессии, была защита своих: *забота о младенцах и защита группы – вот единственные занятия приматов и первобытных людей, в которых наблюдается несомненное половое разделение труда*. Так что, когда первым мужчинам приходилось сражаться и убивать – этим они занимались не для развлечения, а ради выживания, в смертельном страхе, защищая свою жизнь и жизнь своих близких.

Поскольку столь важной частью работы мужчины была защита своей группы, важно пересмотреть и общепринятые представления о половом разделении эмоционального труда, согласно которым нежность, ласку и заботу проявляли только женщины, а мужчины бродили где-то поодаль от костра – этакие огромные волосатые громилы, существующие лишь затем, чтобы трахаться и драться. В реальности первые мужчины, как и первые женщины, стали людьми, только научившись заботиться о других. Согласно антропологу Джону Стюарту, скелет, открытый в пещерах Шанидар в современном Ираке, рассказывает любопытную историю:

Этот мужчина был искалечен... потерял правую руку выше локтя. Он был стар – лет сорока, что по неандертальским меркам равно нашим

³³ J. Constable, *The Neanderthals* (1973).

³⁴ Shackley, с. 206.

восемидесяти – и страдал артритом. Кроме того, он был слеп на левый глаз: это показывает шрам на черепе с левой стороны. Очевидно, что такой калека не смог бы выжить без активной помощи... То, что у его семьи было и желание, и возможность поддерживать функционально бесполезного члена сообщества, много говорит об их развитом общественном сознании³⁵.

Так что там насчет «безжалостного мужчины-охотника, гордо шагающего в будущее»?³⁶ Не правда ли, он становится более человечным и живым?

Это не значит, что доисторические женщины не сталкивались с насилием и даже насильственной смертью. В Эрингсдорфе (Германия) были найдены остатки женщины – жертвы каннибальского убийства, погибшей от 150 до 200 тысяч лет назад. Она была ранней неандерталкой. Ее забили до смерти каменным топором, после смерти отделили голову от тела и вскрыли основание черепа, чтобы извлечь мозг. Рядом лежали останки погибшего одновременно с ней десятилетнего ребенка³⁷.

Знали доисторические времена и сексуальное насилие. В Истурице (Атлантические Пиренеи) найдена необычная кость, вырезанная в форме рукоятки ножа: на ней графично изображен пронзенный копьем бизон, который, извергая фонтан крови, бьется в предсмертных судорогах. А на другой стороне рукоятки, в очень похожей позе – пронзенная женщина: она ползет на четвереньках, а сзади над ней похотливо склонился мужчина, явно намеренный с ней совокупиться, хотя набрякшие груди и округлый живот ясно показывают, что она беременна. Французский антрополог Жорж Анри Люке видит в этом мрачном предмете «любовный амулет» – хороша любовь!³⁸

³⁵ Там же, с. 94.

³⁶ Lowe and Hubbard, с. 114–115.

³⁷ Shackley, с. 107–108.

³⁸ Robert Graves, *The New Larousse Encyclopaedia of Mythology* (1959), с. 6; см. также G.-H. Luquet, *The Art and Religion of Fossil Man* (Oxford, 1930).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.